

Истинные и ложные ценности в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Наталья Жилина^{*}

Профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
Калининград, Россия

(дата получения: август 2014 г.; дата принятия: ноябрь 2014 г.)

Краткое содержание

В публикуемой статье анализ итогового произведения Пушкина выполнен в русле нового научного направления, связанного с аксиологическим подходом к художественному тексту — в основе его лежит мысль о том, что внутренний мир произведения неизбежно ориентирован на ту или иную систему ценностей, безусловно связанную с мировоззрением автора. Аксиологический подход дает возможность выявить противоположность ценностных парадигм в сюжетном рисунке двух центральных персонажей одной сословной принадлежности — Гринева и Швабрина. Поединок этих героев происходит на духовном, этическом уровне, их жизненные позиции антагонистически противоположны — именно в этом и состоит суть центрального конфликта пушкинского романа, основой которого является антитеза истинных и ложных ценностей.

Ключевые слова: Пушкин, «Капитанская дочка», аксиология, эпиграф, конфликт, честь, нравственный закон.

^{*} E-mail: nzhilina@rambler.ru

Введение

Последнее завершённое прозаическое произведение Пушкина, не вызвавшее особого интереса у своих современников, в наше время постоянно оказывается в центре внимания исследователей. Скорее всего, это объясняется тем, что в переломную эпоху актуальность его содержания и значение для потомков становятся все более очевидными: в «Капитанской дочке» Пушкин дает ответы на вопросы, вставшие перед российским обществом и в XXI веке. К настоящему времени накоплен уже довольно обширный и богатый пласт исследований: достаточно основательно изучены проблемы жанрового своеобразия, сюжета и композиции, повествовательного строя, чрезвычайно плодотворным оказался поиск влияний и заимствований; в то же время мало исследована аксиологическая система произведения. Этот ракурс и будет использован в данной статье.

Общий эпиграф к «Капитанской дочке» — «Береги честь смолоду» (Пушкин 1958. 391) — представляет собой, как известно, русскую народную пословицу, взятую в ее главной, семантически ударной части. Освобожденная от конкретной бытовой параллели, она воспринимается как универсальная общезначимая формула, в которой заключена истинная мера ценностей, не имеющая конкретной исторической и социальной прикреплённости. В полном своем виде («Береги платье снову, а честь смолоду») она будет затем воспроизведена в прощальном напутствии отца сыну — так истинность отцовской ценностной позиции найдет свое двойное подтверждение: в авторском слове и в народной мудрости. Очень точно сформулировал это И.А. Есаулов: «Авторитетность напутственного отцовского слова подкрепляется в данном случае не только отсылкой к народной мудрости, зафиксированной пословицей, но и тем, что авторской волей повторяется — в расширенном варианте — известный эпиграф к повести. Соседство христианского благословения и фольклорного текста чрезвычайно знаменательно: оно манифестирует глубинную укорененность жизни героев одновременно как в стихии народного (простонародного) космоса, так и в христианском этическом

континууме, проявляющемся на уровне бытового поведения» (Есаулов 1995. 53).

Обозначив в эпиграфе центральную проблему произведения, Пушкин тем самым ставит перед читателем вопрос о содержании понятия *честь*. Представляется уместным воспроизвести его толкование. В современном Словаре русского языка содержится несколько значений:

1. Совокупность высших морально-этических принципов личности.
2. Почет, уважение.
3. Высокое звание, должность, чин, почесть.
4. То, что дает право на почет, уважение.
5. О том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения и т. п. (Словарь русского языка 1981—1984. 672)

Интересно отметить, что в словаре Даля это понятие определено несколько иначе:

1. Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть.
2. Условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое.
3. Высокое званье, сан, чин, должность.
4. Внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства.
5. Оказывать почтенье или честь, почет, изъявлять уваженье или отдавать должные, приличные почести (Даль 1955. 599).

Очень важно, что в своем первом и главном значении *честь* здесь неотделима от *совести*, то есть проявления нравственного закона в самом человеке. Утверждая своеобразное благородство души, честь, таким образом, оказывается высшей ценностью, дороже всех благ, здоровья и самой жизни.

Основная часть

В пушкинском романе события организованы таким образом, что главный герой отправляется из дома навстречу испытаниям своей чести. Неожиданное

изменение в судьбе Петруши Гринева, послужившее завязкой всем дальнейшим событиям, вызвано сугубо бытовым обстоятельством: узнав, как продвинулись в чинах и наградах его бывшие подчиненные, отец, отставной офицер, принимает решение незамедлительно отправить сына на службу. Применяя сюжетную схему волшебной сказки, разработанную В.Я. Проппом, В. Шкловский в свое время интерпретировал эту ситуацию таким образом: «Живет семья Гриневых — семья благополучна, но "батюшка у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый". Он повторяет вполголоса: "Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы..." Старик Гриневу понадобилось, чтобы сын служил: это можно определить как "недостачу" — не хватает чинов и орденов» (Шкловский 1970. 219—220). Однако все дальнейшие события показывают, что у Пушкина герой вынужден отправиться в путь не от недостачи «чинов и орденов», как считал известный ученый, а причинами противоположного свойства. Поведение старшего Гринева хорошо объяснимо при рассмотрении его с точки зрения специфически русского романного сюжета как общественного — в противоположность западному как семейному (См.: Салтыков-Щедрин 1988. 96; Лотман 1997. 719). Не имея больше возможности проявить себя на общественном поприще, отставной премьер-майор Андрей Петрович Гринев предпринимает попытку сделать это через своего сына.

Хотя по положению дел Петру Гриневу надлежит проходить службу в столице, отец отправляет его служить в далекий глухой гарнизон, объясняя это заботой о его же будущем: «Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шаматон» (Пушкин 1958. 397). То, что с точки зрения узкого обывательского сознания является нанесением вреда молодому человеку, в представлении отца — безусловное благо. Так оппозиция «вред — благо» возникает в парадоксально перевернутом виде, вводя в повествование *т ему ист инных и ложных*

ценност ей. Непосредственно далее эта тема эксплицируется в эпиграфе к первой главе, представляющем собой цитату из комедии Я.Б. Княжнина «Хвастун»:

— *Был бы гвардии он завт ра ж капит ан.*

— *Того не надобно; пусть ь в армии послуж ит .*

— *Изрядно сказано! Пускай его пот уж ит ...*

.....

Да кт о его от ец? (Пушкин 1958. 393).

Главному герою этой комедии Верхолету, хвастуну и обманщику, противостоят положительные герои пьесы — отец и сын, которым удается разоблачить его плутовство и мошенничество. В итоге Верхолет попадает в тюрьму, а достойный и благородный Замир соединяет свою судьбу с любимой девушкой, избавленной от посягательств легкомысленного гуляки и мота. Используя эту цитату, Пушкин актуализирует в сознании читателя сразу несколько ассоциаций. Прежде всего, само имя благородного отца из комедии Княжнина — *Чест он* — откликается идее, прозвучавшей в эпиграфе ко всему произведению. Кроме того, события в первой главе пушкинского романа изложены таким образом, что напрашивается прямая параллель между главными героями обоих произведений — молодыми людьми, проявляющими легкомыслие и стремление к удовольствиям. Открыто и явно это звучит в воспоминаниях Петра Гринева: «Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого» (Пушкин 1958. 397).

В используемом Пушкиным диалоге Честона с Верхолетом Княжнин противопоставляет «два различных мировосприятия, две житейские установки, две принципиально противоположные жизненные позиции. В уста Верхолета автор вкладывает общераспространенное утверждение о том, что

успешно складывающаяся карьера в гвардии — верх житейского благополучия; служба же в армии, по мнению этого... любителя легкой и "блестящей" жизни, — величайшее несчастье, невезение и большая неудача». Честону же служба в армии представляется «необходимой для его сына школой жизни и воинской доблести, не в пример службе в гвардии, явно, на его взгляд, небезопасной и небезвредной для воспитания и становления молодого русского дворянина» (Гилельсон, Мушина 1977. 65—66).

В «Капитанской дочке», казалось бы, тоже намечаются две противоположные системы ценностей (отца и сына), порождающие соответствующие оппозиции: *веселая* петербургская жизнь — *скука* в стороне глухой и отдаленной (в сознании Петра), чтобы был «солдат, а не шаматон» (в сознании отца). Однако наметившийся было конфликт сразу же снимается: следуя патриархальной традиции, Петр принимает отцовское решение безо всякого внутреннего сопротивления: «Итак, все мои надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего! <...> Родители мои благословили меня» (Пушкин 1958. 398). Такое послушание Петра — не исключение из правил: отец наделен в его глазах высшим нравственным авторитетом, что особенно ярко проявится затем в его сне. Во время приснившегося ему неожиданного возвращения домой Петруша беспокоится только об одном: «Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием» (Пушкин 1958. 408—409). Патриархальный мир семьи оказывается единым, внутренне монолитным, бесконфликтным: как мать, так и сын принимают решение главы семьи без возражений и внутреннего несогласия.

Первое испытание свободой ждет Петрушу Гринева в симбирском трактире, где в отсутствие Савельича, который «с утра отправился по лавкам», молодой человек со скуки «пошел бродить по всем комнатам» и встретил в

бильярдной «высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах», оказавшегося «ротмистром гусарского полку» (Пушкин 1958. 399). Отказаться от приглашения бравого гусара Ивана Ивановича Зурина «отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски» было решительно невозможно, за обедом же «Зурин пил много и потчевал» юного знакомого, «говоря, что надобно привыкать ко службе» (Пушкин 1958. 399). После обеда новый знакомый вызвался учить юного офицера играть на бильярде, уверяя, что это «необходимо для нашего брата служивого» (Пушкин 1958. 399), а затем предложил играть на деньги, «по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка». Во время игры «Зурин велел подать пуншу и уговорил» Гринева попробовать, повторяя, что «к службе надобно... привыкать; а без пуншу что и служба!» (Пушкин 1958. 400). Первый самостоятельный день Петруша Гринев закончил, по его собственному признанию, «так же беспутно, как и начал»: ужином «у Аринушки», где Зурин ему «поминутно подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать» (Пушкин 1958. 400). Результатом стали проигранные 100 рублей денег и похмельное состояние наутро. В поведении Петруши с Зуриным явно просматриваются отголоски его прежних мечтаний о веселой петербургской жизни, а его поступки вызваны не только детской доверчивостью и неискушенностью, но и понятным для молодого человека самолюбивым желанием выглядеть вполне взрослым и уверенным в себе.

После такого искушения свободой Гринева ждет более серьезное нравственное испытание, и он оказывается способным его выдержать: проснувшись на другой день «с головной болью, смутно припоминая... вчерашние происшествия», он испытывает не столько физические, сколько душевные муки. Упреки Савельича вызывают в нем не раздражение или досаду, а совершенно противоположную эмоциональную реакцию: «Мне было стыдно» (Пушкин 1958. 401), — вспоминает впоследствии герой-рассказчик. Несомненна правота Н.Н. Петруниной, которая считает, что «у Пушкина и

"падения" Петруши, и следующее за ними отрезвление психологически достоверны и отчетливо мотивированы. Гринев — неоперившийся пленец, который не в силах противостоять искушениям, но в нем заложен этический опыт поколений, позволяющий ему наутро взглянуть на свои поступки со стороны» (Петрунина 1987. 268). Важная психологическая деталь: Петру не приходит в голову винить в собственных промахах и ошибках никого, включая и Зурина, воспользовавшегося столь удачно для себя его простодушной доверчивостью. Однако теперь, чтобы выйти из сложного положения и сдержать слово чести, Петру приходится проявить упорство и твердость в настоящей психологической битве со своим крепостным «дядькой». Напустив на себя равнодушный вид, «со всевозможной холодностью» он отдает приказание выдать проигранные деньги, а на возражение Савельича («Воля твоя, сударь, а денег я не выдам»), «взглянув на него гордо», произносит решительную речь: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают» (Пушкин 1958. 402). Выдержать сопротивление Савельича Петруше оказывается нелегко еще и потому, что во время объяснения со старым слугой он испытывает противоречивые чувства («Мне было жаль бедного старика» (Пушкин 1958. 403)), но при этом понимает, «что если в сию решительную минуту» он не переспорит «упрямого старика, то уж в последствии времени трудно... будет освободиться от его опеки» (Пушкин 1958. 402). Процесс взросления героя, становления его личности показан Пушкиным во всей психологической сложности. Превращение «дитяти» во взрослого человека дается трудно, а «барское» поведение, необходимое для того, чтобы отстоять право самому отвечать за свои поступки, оказывается мучительным для него самого: «С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска...» (Пушкин 1958. 403).

Совершая ошибки, юный Гринев в то же время способен к прямой и честной их оценке: «Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в

симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило» (Пушкин 1958. 404). Чувство вины заставляет молодого барина просить прощения у своего крепостного слуги и, «чтоб утешить бедного Савельича», он дает тому «слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою» (Пушкин 1958. 405). Известно, что этого обещания он уже не нарушит, и именно поэтому вместо «полтины на водку» вожатому достанется знаменитый заячий тулуп. Так уже в самом начале самостоятельной жизни его поведение становится подтверждением того, о чем он позже скажет Пугачеву: «Я природный дворянин...» (Пушкин 1958. 476). И на протяжении всех дальнейших событий, как бы это ни было трудно, Петр Гринев будет сохранять верность данному им слову и нравственному закону, который воплотился для него в понятии *чест ь*.

Описание Белогорской крепости (места главных событий пушкинского романа) и ее обитателей в главе 3 «Крепость» предваряется двумя эпитафиями, один из которых представляет собой не совсем точную цитату — фрагмент реплики Простаковой — из комедии Фонвизина «Недоросль»: «Старинные люди, мой батюшка» (Пушкин 1958. 416). Этой цитатой намечаются достаточно ясные ассоциации Василисы Егоровны Мироновой, жены коменданта крепости, с фонвизинской Простаковой, ставшей для русского сознания своеобразным символом ограниченной тиранки. Действительно, капитанша Миронова командует своим мужем и управляет всеми делами не менее властно, чем известная героиня Фонвизина, однако мотивы ее поведения совершенно иные. Занимая на небольшом пространстве Белогорской крепости самое высокое положение, она управляет не только домом, но и всем гарнизонным «хозяйством», обнаруживая задатки и черты понастоящему мудрой правительницы, умеющей и наградить, и наказать. Поскольку все обитатели крепости воспринимаются ею как члены собственной семьи, ее постоянная забота и участие во всем вызваны не обычным женским любопытством, не гипертрофированным властолюбием, а чувством материнской ответственности за все происходящее. Наивное удивление, с

которым воспринимает она рассказ Гринева о трехстах крепостных, принадлежащих его родителям, и напоминает госпожу Простакову, и резко разграничивает их: в пушкинской героине нет и тени зависти к чужому богатству, нет и намека на желание завладеть им. Приверженность долгу в этой женщине поистине героическая, а ее преданность мужу не имеет границ: страшнее неприятельских пуль и ядер для нее расставание с милым Иваном Кузьмичом. В сознании пушкинской героини существует точная, ясная и определенная система ценностей, что позволяет ей с патриархальной мудростью и спокойствием принимать повороты и даже удары судьбы. Истина представляется героине единственной и неизменной, ее приверженность старине проявляется в непонимании ложной «новой морали» и полном нежелании ее принять. Именно поэтому, не вдаваясь в детали, она воспринимает любую дуэль как «смертоубийство», а сдачу в плен неприятелю как безусловное предательство. Установка на одноплановое восприятие четы Мироновых, как будто заявленная в эпитафии, в дальнейшем полностью опровергается: комические, на первый взгляд, персонажи обретают черты высоких героев, предпочитающих гибель бесславию и бесчестию. Высокое героическое начало остается во всех Мироновых совершенно незаметным в будничной мирной жизни и предельно обнажается в страшных и кризисных ситуациях, когда наступает необходимость сделать четкий и ясный нравственный выбор.

Как уже говорилось, эпитафия к третьей главе представляет собой не совсем точную цитату из комедии Фонвизина «Недоросль» — «Старинные люди, мой батюшка» (Пушкин 1958. 416). В первоисточнике это фрагмент реплики Простаковой, в полном виде звучащей так: «Старинные люди, мой отец. Не нынешний был век. Нас ничему не учили» (Фонвизин 1982. 114). Возникающие здесь, как и в первой главе романа, фонвизинские реминисценции, не только намечают сходство между семействами Гриневых и Мироновых, но и по-новому ставят проблему «прежнего» и «нового» сознания. В комедии Фонвизина совершенно в духе просветительских идей

разрабатывается мысль о прямой и тесной взаимосвязи между образованностью человека и его нравственным состоянием: «старинные» люди противопоставлены «новым» как необразованные, непросвещенные и, следовательно, безнравственные. В пушкинском же контексте происходит кардинальное переосмысление этой идеи.

В романе Пушкина столбовой дворянин Андрей Петрович Гринев, не читавший других книг, кроме Придворного календаря, по своей внутренней сути очень немногим отличается от бедного и неродовитого капитана Миронова, которому рассказчик дает парадоксально противоречивую с точки зрения просветительских идей характеристику: «Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый» (Пушкин 1958. 424). Семейства Гриневых и Мироновых вообще имеют между собой больше сходства, чем различий: и мировосприятие, и взаимоотношения тех и других с окружающим миром строятся в соответствии с одними и теми же социально-нравственными и психологическими установками. В основе последних лежит представление о незыблемой вселенской гармонии, любые отклонения от которой в земной жизни лишь подтверждают ее общую нерушимость и конечное торжество — в полном соответствии с этим организуется для них и социальная картина мира. В сознании этих людей все сословия отделены и в то же время связаны между собой как различные, но равно необходимые и как бы дополняющие друг друга части единого целого, составляющие социальную иерархию, освященную Высшей волей, — поэтому любое положение человека в общественной системе оказывается по-своему почтенным и никак не может его унижить. Отсюда свойственная им своеобразная душевная «безмятежность», полное отсутствие чувства социальной ущербности, психологической ущемленности и каких-либо амбиций.

Традиционное, народное, «простое» сознание, характеризующее «старинных людей», свойственно в романе Пушкина не только дворянским семьям Гриневых и Мироновых, но и их ближайшему окружению. Таким

человеческом «старого века» предстает, прежде всего, Савельич, для которого несколько не унижительно положение барского слуги, то есть, по существу, бесправного крепостного раба. Согласно логике патриархального религиозного сознания, любое положение в общественной иерархии оказывается по-своему почтенным и не может само по себе унижить человека. Унижительным, недостойным может быть лишь несоответствие человека его предназначению и тому земному «месту», которое определено ему свыше. В событиях романа можно найти множество примеров тому, что отношения между Савельичем и его господами скрепляются почти родственными чувствами и отмечены чертами своеобразной семейственности.

У Савельича существует и свое представление о «чести». Для него это честь слуги, «дядьки» молодого барина, и проявляется она на всем протяжении повествования: он винит себя за «забавы» Петруши в Симбирске («...сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире!» (Пушкин 1958. 404—405)); страдает, что не смог уберечь его от ранения на дуэли со Швабриным; спасает его от виселицы, в решающий момент бросившись в ноги Пугачеву с просьбой: «Отпусти его... а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» (Пушкин 1958. 466). В самых рискованных ситуациях старый слуга не оставляет своего воспитанника, всюду следуя за ним. Его главная цель — правильное обустройство жизни вверенного его заботам «барского дитяти», и он стремится выполнить эту задачу «с честью». «Кровно преданный слуга, он по-своему своеволен, горд и неуступчив. У него собственный строй понятий, он может, подчиняясь господину, поступить вопреки убеждениям, но не меняет их. Как ни ограниченны представления Савельича о долге и чести, в них есть и последовательность, и своя человеческая правда. В трудную минуту он всегда оказывается рядом с Гриневым, органически просто пренебрегая личной опасностью. Гринев для него не просто барин, но и возвращенное им "дитя". Зато и Петруша строго корит себя за обиды, нанесенные Савельичу, испытывает к нему род сыновней привязанности. Барин и слуга

культурнопсихологически совершенно несходны, и это лишь подчеркивает характер глубокой патриархальной связи, которая ощущается между ними» (Петрунина 1987. 269). Интересно, что для Савельича «честь» вполне совместима с коленопреклонением и целованием рук самозванцу. Его поведение с Пугачевым — вид плутовства, своего рода тактическая хитрость, которая, по его мнению, безусловно, допустима с противником. Этими же качествами наделена и горничная Маши Мироновой Палаша.

В пушкинских «старинных людях» отсутствует главная характерная черта человека Нового времени — гипертрофированное самолюбие, поэтому и проблемы, связанные с ним, этих людей не касаются и коснуться не могут. Их душу не затрагивают те «болезни» современной личности, источником которых является самолюбие: зависть, мнительность, озлобленность, стремление к самоутверждению, и жизнь их проходит в полном согласии с собой и с миром. Интеллектуальная неразвитость и некоторая психологическая «элементарность» внутреннего мира является своеобразным следствием того *детского* начала, которое составляет в них ядро личности.

Главное, что отличает «старинных людей», — глубоко укорененная нравственная основа. Никакие хитросплетения жизни не способны поколебать в них веру в Бога, а значит, в высшую справедливость. Обыденное и духовное неразрывно и прочно соединены в их земной жизни. И свое положение, и свое поведение они неизменно соотносят с высшим нравственным законом, не отменяемым никакими земными потрясениями и жизненными катастрофами. В сознании этих пушкинских героев существует точная, ясная и определенная система ценностей, что позволяет им с патриархальной мудростью и спокойствием принимать повороты и даже удары судьбы.

Истина представляется им единственной и неизменной, а их приверженность старине проявляется в непонимании ложной «новой морали» и полном нежелании ее принять. Пушкинские «старинные люди» просты не по-простаковски — само это понятие наполняется в «Капитанской дочке» новым смыслом: это люди прежнего времени, мировосприятие и образ жизни

которых определяются ясными и незамутненными христианскими установками. А «прост от а» их напоминает о той самой *истине*, которой обладают дети и о которой сказано в Евангелии, что Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11:25). Именно без этого, по слову Спасителя, невозможно войти в Царствие Небесное.

В работах некоторых отечественных ученых художественный конфликт в пушкинском романе трактовался как противоборство двух различных сил, двух противоположных миров, дворянского и крестьянского. При таком подходе пришлось бы признать, что вождь восставших крестьян Пугачев является в романе главным идейным противником центрального героя, тем самым оставив совершенно без внимания значение фигуры Швабрина, которое ясно видно при обращении к творческой истории произведения.

Структура образа одного из центральных персонажей романа, Алексея Ивановича Швабрина не может не вызывать некоторого удивления. Достигнув ко времени написания «Капитанской дочки» замечательной глубины и тонкости в раскрытии внутреннего мира человека, Пушкин здесь как будто сознательно отказывается от этой возможности: характер Швабрина лишен психологической сложности и упрощенно однопланов. В какой-то степени это может быть объяснимо позицией героя-повествователя с его наивным сознанием и ограниченным кругозором. Однако нет никаких сомнений в том, что при необходимости Пушкин сумел бы изыскать возможности для изображения сложного внутреннего мира любого персонажа, как это происходит, к примеру, с Пугачевым. Но и в поведении Швабрина можно увидеть некоторые странности и противоречия. В частности, трудно представить, чтобы человек, связавший свою судьбу с военной службой и не раз подвергавший себя смертельной опасности как дуэлянт, был настолько охвачен страхом, что, забыв о своем долге и присяге, мог перейти во вражеский лагерь. Само же изображение событий заставляет предполагать, что Швабрина толкнула на это не минутная слабость, не эмоциональный срыв, а какие-то иные, более глубокие причины.

Сюжетный рисунок Швабрина создан таким образом, что в его поступках, взятых в целом, отчетливо просматривается определенная система ценностей. Высокомерие Швабрина, его презрение к окружающим (промелькнувшее в первом же разговоре с Гриневым) отражают его представления о собственной исключительности, его претензии на избранность. Не простив Маше ее отказа, не смирившись с тем, что ему предпочли другого, он весь отдается чувству мести и в стремлении удовлетворить свои амбиции использует любые средства. Этическая позиция Швабрина напрямую связана с его атеистическими взглядами и материалистической аксиологией: при отсутствии представлений о бессмертии души, осознавая, что бытие человека ограничивается лишь его земным существованием, трудно представить себе ценности, стоящие выше самой жизни. Переход Швабрина к мятежникам (как, впрочем, и все предыдущие его поступки) вызван полным отсутствием устойчивых нравственных принципов и идеалов, ради которых стоило бы жертвовать собственной жизнью.

В лице Швабрина перед читателем предстает человек Нового времени, в сознании которого *т*еоцентрическая, *христ*оцентрическая картина мира заменяется не просто *ант*ропоцентрической, но *эго*центрической. Он сам для себя высшая ценность и мерило всего, поэтому для достижения своих целей готов прибегнуть к любым средствам. Абсолютная свобода, стремление к которой является доминантной чертой такого секуляризованного сознания, — это свобода от незыблемого нравственного закона, свобода вседозволенности: предельно гипертрофированная личность, при отсутствии Бога ощутившая себя центром мироздания, сама для себя воплощает Высший суд. В противоположность романтическим героям-бунтарям, образ Швабрина лишен ореола высоты и загадочности: их философское «двоемирие», глубокий психологический разлад заменяется у него проявлениями болезненного самолюбия, а от их демонизма у него остается лишь «адская усмешка».

В художественном мире «Капитанской дочки» Швабрин — единственный персонаж, в полной мере исповедующий принципы своеволия и

вседозволенности, и именно поэтому он является носителем абсолютного зла. Образом Швабрина Пушкин декларирует чрезвычайно важную мысль: ни «хорошее» происхождение, ни образованность, ни развитый интеллект не могут сами по себе предотвратить морального падения человека, если он отвергает Бога (= высший нравственный закон), отказывается от совести как стержневого качества личности и в конечном итоге ставит себя «по ту сторону добра и зла». В этом, несомненно, проявляется полемика Пушкина с самыми основными и важнейшими идеями просветителей.

Заключение

Будучи центральным понятием в художественной системе «Капитанской дочки» (что постулируется эпиграфом), *честь* становится своеобразным эталоном, которым измеряются поступки всех действующих лиц романа независимо от их сословно-классовой и идейной принадлежности. И прежде всего это относится к главному герою. В центр трагических событий гражданской войны Пушкин помещает молодого человека, отличающегося цельностью души, полным отсутствием психологической раздвоенности — качества, ставшего определяющим в человеке Нового времени. Это не условный «положительный герой» классицизма, но и не мятущийся романтический персонаж, душа которого подвержена разрушительным страстям. Являясь молодым представителем «старинной традиции», Петр Гринев соединяет в себе черты пушкинских «людей старого века», с их представлениями о незыблемости нравственного закона, и богатый личностный потенциал человека Нового времени. В самых сложных обстоятельствах, в ситуациях, пограничных между жизнью и смертью (в степи во время метели, стоя под виселицей в ожидании казни), он не думает о своем возможном спасении, а предается Высшей воле и, принося Богу искреннее раскаяние в своих прегрешениях, молит Его о спасении своих близких. Жизненная позиция Гринева, все его поступки постоянно соотносятся с высшими этическими принципами — именно этим объясняется тот парадокс,

что даже «неправильное» с точки зрения прямолинейно и узко понятой законности поведение пушкинского героя вознаграждается: ему *дарует ся помощь свыше*.

В душе Петра Гринева никогда не стираются нравственные ориентиры, с которыми он сверяет свои поступки, поэтому людской суд не может заменить для него суда Божьего. Испытывая мучения совести перед крепостным слугой за свои «проказы», он в то же время не стыдится своего заключения в тюрьму, спокойно ожидая будущего. Находясь под следствием, в цепях, «в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою, он, однако, не теряет ни бодрости, ни надежды». Беззащитный перед людским судом, он не ищет способа оправдаться и, зная, что на нем нет греха измены, с детским спокойствием и безмятежностью вручает свою судьбу Отцу Небесному. Перед читателем предстает очень редкое в русской литературе явление: герой, которому совершенно не свойственны сомнения, душевные терзания, поиски смысла жизни, внутренний мир которого в основе своей гармоничен и характеризуется поистине удивительным душевным покоем. *Детское начало*, так ярко проявляющее себя в его натуре, заставляет вспомнить о евангельском «будьте как дети...»

Поединок Гринева со Швабриным происходит на духовном, этическом уровне, их жизненные позиции антагонистически противоположны по своим ценностным ориентациям – именно в этом и состоит суть центрального конфликта пушкинского романа, основой которого является антитеза истинных и ложных ценностей.

Литература

- Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. (1977). *Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: комментарий: пособие для учителя*. Л., Изд-во "Просвещение", 192 с.
- Даль В.И. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 4. М., "Гос. изд-во иностранных и национальных словарей".
- Есаулов И.А. (1995). *Категория соборности и в русской литературе*. Петрозаводск, Изд-во "Петрозаводск. ун-та", 288 с.

- Лотман Ю.М. (1997). *Сюжетное пространство русского романа XIX столетия* // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., Изд-во "Искусство-СПб", С. 712—729.
- Петрунина Н.Н. (1987). *Проза Пушкина (пути и эволюции)*. Л.: Изд-во "Наука", 331 с.
- Пушкин А.С. (1958). *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6*. М., Изд-во "АН СССР".
- Салтыков-Щедрин М.Е. (1988). *Господа ташкентцы* // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч: в 10 т. Т. 3. М., Изд-во "Правда", С. 67—358.
- Словарь русского языка: в 4 т. (1981—1984)*. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., Изд-во "Русский язык".
- Фонвизин Д. (1982). *Сочинения*. М., Изд-во "Правда", 320 с.
- Шкловский В. (1970). *Функции героев волшебной сказки* // Шкловский В.Б. Тетива: о несходстве сходного. М., Изд-во "Сов. писатель", С. 203—224.

Bibliography

- Gillelson M.I., Mushina I.B. (1977). *Povest A.S. Pushkina "Kapitanskaya Dochka": kommentariy: posobiye dlya uchitelya*. L., Izd-vo "Prosvesheniye", 192 p.
- Dahl V.I. (1955). *Tolkoviy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. Т. 4*. М., "Gos. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey".
- Yesaulov I.A. (1995). *Kategoriya sobornosti v russkoy literaturye*. Petrozavodsk, Izd-vo "Petrozavodsk. Un-ta", 288 p.
- Lotman Yu.M. (1997). *Syuzhetnoye prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya* // Lotman Yu.M. O russkoy literaturye. SPb., Izd-vo "Iskusstvo-SPb", P. 12—729.
- Petrutina N.N. (1987). *Proza Pushkina (puti evolutsii)*. L.: Izd-vo "Nauka", 331 p.
- Pushkin A.S. (1958). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. Т. 6*. М., Izd-vo „AN SSSR”.
- Saltykov-Shiedrin M.Ye. (1988). *Gospoda tashkyentsy* // Saltykov-Shiedrin M.Ye. *Sobr. soch: v 10 t. Т. 3*. М., Izd-vo „Pravda”, P. 67—358.
- Slovar russkogo yazyka: v 4 t. (1981—1984)*. Pod red. A.P. Yevgenyevoy. Т. 4. М., Izd-vo "Russkiy yazyk".
- Fonvizin D. (1982). *Sochineniya*. М., Izd-vo "Pravda", 320 p.
- Shklovskiy V. (1970). *Funktzii geroyev volshebnoy skazki* // Shklovskiy V.B. *Tetiva: o neskhodstve skhodnogo*. М., Izd-vo "Sov. Pisatel", P. 203—224.